
Н.А. Родионова

П.К. ДЫЛЁВ – ДОКТОР ШВЕЙЦЕР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Родионова Надежда Александровна – кандидат исторических наук,
доцент ГУ–ВШЭ.

В русле персональной истории судьба исторических личностей, формирование их внутреннего мира и их деятельность вызывает в настоящее время всевозрастающий интерес исследователей. При этом личность выступает одновременно и как стратегическая цель исследования, и как адекватное средство познания творимого ею исторического социума.

Биографическая канва Петра Константиновича Дылёва¹, имя которого мало кому известно в эмигрантоведении, повторяет судьбы многих тысяч людей, попавших в водоворот Гражданской войны.

Сын богатого купца-предпринимателя, владеющего в Санкт-Петербурге мастерской лепных работ, П.К. Дылёв в 1911 г. закончил с отличием Военно-медицинскую академию. Под влиянием старшей сестры стал приверженцем социал-демократических идей, участвовал в студенческих сходках, за что и поплатился трехнедельной гауптвахтой и возможностью устроиться на скромную должность земского врача. Лишь благодаря заступничеству высокопоставленных родителей его сокурсника перед директором Департамента полиции ему было позволено получить место врача в земской больнице в селе Огарёвка Богородицкого уезда Тульской губернии. В Первую мировую войну Дылёв служил младшим врачом в прифронтовом лазарете, основанном Государственной думой [5, т. 1, с. 112].

Восхождение на эмигрантскую Голгофу доктора Дылёва, как и многих тысяч его соотечественников, началось в Константинополе, после того как на исходе боев на Украине его воинская часть, входящая в состав Добровольческой армии, отступила в Румынию. Затем были Констанца и Константино-

1. Дылёв Петр Константинович родился в 1888 г. в Петербурге, скончался в 1978 г. в Женеве, близ Ватерлоо, Бельгия. (В Конго с 1925 по 1961 г.)

поль, где доктор Дылёв зарабатывал себе на пропитание разносчиком газет. Позднее ему удалось получить место врача в Русской гимназии Земгора, которая в 1922 г. была передислоцирована из Константинополя в болгарский город Шумен. Это была лучшая русская гимназия в Болгарии, из 24 ее преподавателей – 13 были с университетским образованием. Контингент учащихся состоял из молодых людей, прошедших сквозь ад братоубийственной войны. Эта разношерстная великовозрастная молодежь, чей средний возраст составлял 16,7 лет, была настолько поломана жизнью, «что многим из молодых людей скорее нужны были исправительные учреждения, а не гимназическая скамья» [2, с. 64]. Бывший шуменец, Вл. Семихат-Сосинский² рассказывал о своих однокашниках: «Мы были настоящие бандиты, и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера³ – очень строгого, но и очень справедливого “немчуры”-директора, в Шуменской гимназии поддерживались дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь»⁴.

2. Владимир Брониславович Сосинский (Владимир Брониславович Рейнгольд Сосинский-Семихат) (1900–1987). В 1918 г. был призван в Белую армию, воевал, был ранен в грудь навалет, награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. В 1920 г. покинул Крым и оказался в Константинополе. В 1922 г. закончил гимназию в Шумене. В 1923 г. в Берлине входит в поэтическую группу «4+1» вместе с В. Андреевым, С. Либерманом, Ю. Венусом (это были «4») и А. Присмановой («+1»). В 1924 г. переезжает в Париж, работает жестяником на заводе «Рено», меняет множество других профессий и активно печатается в русских журналах. Некоторые критики называли его среди наиболее многообещающих прозаиков наряду с В. Сириным. Женится на дочери В.М. Черного. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.

3. Бейер Анатолий Аполлонович (1875–1938) – выпускник Михайловского артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник Гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1928), уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», выступал с чтением докладов. Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Получил звание героя Парагвая, где ему установлен памятник. См. об этом: Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. – М., 2005. – С. 113.

4. Из неопубликованных воспоминаний В.Б. Сосинского-Семихата, любезно предоставленных автору Ф. Хадоновой.

В период работы доктора Дылёва в гимназии в ней учились Г. Газданов⁵. Вл. Семихат-Сосинский, Н. Муравьёв⁶, отношения с которыми продолжались и после его отъезда в Париж в поисках работы. Материальное положение русских врачей в Болгарии в те годы было очень хорошим, но, поддавшись общему настроению русской эмиграции, он перебирается в Париж, где найти место врача было практически невозможно. Французские законы запрещали заниматься врачебной практикой лицам, не имеющим французского диплома [1, с. 13].

В Париже он берется за любую работу: днем – трудится на складе Земгора, вечером – за стойкой в ресторане, по ночам подписывает конверты. Несмотря на занятость, находит время для общения с выпускниками «своей» гимназии. Среди опекаемых им шуменцев особенно тепло он относился к Никите Муравьёву и сыну А.А. Бейера – Сергею Сливинскому. Для него они «были ближе родных», за которых он «всегда болел душой» [6, Л. 148]. Однако проявления nepотизма считал недопустимым, отказывался давать характеристику Никите Муравьёву для предоставления ему стипендии Земгора, так как «это была бы характеристика человека, относящегося по-родственному» [6, Л. 147]. Среди тех, кто получал помощь Дылёва в Париже, был и Г. Газданов.

В январе 1925 г. П.К. Дылёв подписал двухлетний контракт на работу во Французском Конго. Получить там работу считалось для русских беженцев большой удачей: заработок врача в Конго был в 5–6 раз выше обычного [4,

5. Газданов Г.И. (родился в 1903 г. в Петербурге – скончался в 1971 г. в Мюнхене) происходил из семьи российской интеллигенции, учился в провинции. В 1919 г. не закончив гимназии, вступил солдатом в Добровольческую армию. Курсировал по югу России на пулеметной платформе бронепоезда. В 1920 г. с войсками генерала Врангеля навсегда покидает Россию. Впереди – Галлиполийские лагеря, учеба в русской гимназии в Константинополе, переезд в г. Шумен в связи с переводом туда гимназии. После окончания гимназии в 1923 г. работал на разгрузке барж в Сен-Дени, далее на автомобильном заводе. С середины 20-х годов для Газданова открывается писательская стезя. В 1928–1952 гг. работал ночным таксистом. Участник французского Сопротивления.

6. Муравьёв Н.С. (родился в 1904 в Харькове – скончался в 1965 г. в Луганске) – потомок декабриста Н. Муравьёва, внук драматурга А.Н. Островского, поэт и художник, воевал в составе Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал из России, сначала в Константинополь (Стамбул), затем в Болгарию, где в Шуменской гимназии познакомился и подружился с Г. Газдановым. В 1958 г. Н.С. с женой и тремя дочерьми вернулись в СССР (сын репатрировался годом раньше во избежание военной службы в Алжире, где шла война). Предложено было поселиться в г. Рубежном Луганской области, где ему предоставили работу по специальности (инженер-химик). Умер в 1965 г. от последствий чахотки и тяжелой экологической обстановки, где ему пришлось жить.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

с. 228]. Далекая Африка страшила, однако в его решении ехать в Конго, где он мог вернуться к активной профессиональной деятельности, большую роль сыграло соображение, что он получит больше возможностей поддерживать выпускников Шуменской гимназии материально. Он начинает высылать деньги в Земгор для обеспечения стипендией выпускников гимназии. Полным его стипендиатом стал Писарев, половинными – Сурков и Фельдау.

По условиям контракта в Конго Дылёву предстояло бороться с ранее неизвестной ему сонной болезнью⁷ в колонии Убанги-Шари⁸. Не ограничиваясь лечением этих больных, он оказывал помощь всем, используя в качестве недостающего перевязочного материала листья растений, которые привязывал к ране веревочками из лиан [5, т. 2, с. 31–33]. Условия жизни в Конго были не из легких: в Африке свирепствовала малярия, нередко заканчивающаяся гибелью больных, однако сознание своей нужности людям придавало смысл его существованию.

Адаптация к новой среде обитания проходила с трудом: «Не знаю, что нужно пережить или, может быть, раньше еще создать себе особую психику, чтобы иметь возможность жить полной жизнью, живя в чужой стране. Меня чувство отчужденности, полного одиночества никогда не покидает» [6, Л. 18 об.]. «Белого мира хочется и к вам хочется, от тоски одиночества иногда выть хочется и совсем настроился на отъезд» [6, Л. 162], – пишет он А.А. Бейеру. Но по окончании первого двухгодичного контракта, несмотря на жгучее желание вернуться в Европу, Дылёв даже не воспользовался положенным ему шестимесячным отпуском, продлив контракт еще на два года. В течение многих лет Дылёв продолжал тратить значительную часть своего колониального жалования на поддержку выпускников Шуменской гимназии.

Он был интересным, умным, крепким телом и духом человеком, но при этом совершенно одиноким. Семьи у него не было, в числе самых близких людей, разлука с которыми переживалась им очень остро, был А.А. Бейер. Особенно тоскливо было в праздники. Даже Рождество здесь не чувствовалось. «...Для черных Рождество ничто, нет ни религии, делающей его настоящим праздником, радостью для одних, ни сладких воспоминаний или традиций, подменяющих религию у других» [6, Л. 163]. Однако уезжая в 1930 г. в отпуск, он стремился поскорее вернуться. Сознание необходимости своего труда служило оправданием его пребывания в чуждой ему среде.

7. Сонная болезнь передается через укусы инфицированных мух цеце, она эндемична в 36 странах Африки южнее пустыни Сахара, т.е. там, где обитают эти насекомые.

8. Французская Экваториальная Африка включала четыре колонии (теперь независимые государства) – Чад, Убанги-Шари (теперь Центрально-Африканская Республика), Габон и Среднее Конго (теперь Республика Конго).

В 1933–1939 гг. русский доктор работал на золотом прииске «Сосьете Миньер де Бафваболи» в поселке Ангуму, к юго-востоку от Стэнливила в больнице на 20 коек, представлявшей собой длинный темный глинобитный сарай с закутком для амбулаторного приема, средний медицинский персонал в больнице отсутствовал. Дылёв открыл там школу для санитаров, где обучались шесть человек. Вокруг госпиталя вырос поселок в 44 здания. Сохранив верность социал-демократическим идеалам своей молодости, Петр Константинович потребовал от начальства прииска улучшить снабжение рабочих, построить хорошую больницу с амбулаторией и операционной. В 1939 г. старая больница окончательно разрушилась, и для нее было построено новое здание. Дылёв неустанно доказывал, что русские могут трудиться лучше бельгийцев, удовлетворяя тем самым свое обостренное эмигрантское самолюбие.

Напряженный труд, выезд к больным в отдаленные районы колонии, позволяли забыть, отвлечься от драмы изгнания. Высокий социальный статус врача обеспечивал ему счастливую возможность вернуться в прошлое, к образу и стилю жизни врачей в дореволюционной России. Его дом, как дворянская усадьба, стоял в огромном фруктовом саду, но «помещиком» Дылёв был добродушным: старался не замечать, что местные дети часто продают ему цветы и фрукты из его же сада. Пресекал он лишь воровство спирта санитарями: в 1938 г., когда он был в отпуске, суточный расход чистого спирта в больнице повысился с 3 до 10 л [5, т. 2, с. 117].

В Европу он уже не стремился: в Африке для него открылось широкое поле деятельности по претворению в жизнь его демократических идеалов, здесь он получил возможность «служить поднятию обездоленных».

В отличие от англичан и бельгийцев русские не придавали большого значения цвету кожи. Не всегда понимая аборигенов, Дылёв был далек от того, чтобы их презирать. Многовековое соседство русских с иноверцами выработало терпимость в межкультурных контактах. Отмечая более резкую грань, отличающую социальное положение и мировоззрение черной и белой рас, по сравнению с таковой между интеллигенцией и крестьянами старой России, Дылёв умел находить с местным населением общий язык без подзатыльников и зуботычин, как это часто практиковали европейцы. А некоторые из воспитанных им санитаров стали ему по-настоящему дороги; обученный им санитар Шабани был искренне привязан к нему и повсюду следовал за ним в качестве денщика. Несколько санитаров доктор выучил на фельдшеров, а один из них стал даже дипломированным врачом и 30 лет спустя приехал в Бельгию на похороны своего учителя [5, т. 2, с. 265].

Жизнь вдали от России не ослабила интереса Дылёва к ее судьбе. После оккупации Чехословакии гитлеровцами Дылёв считал войну неизбежной. Он отлично понимал, что Гитлер не мог принести России освобождения, что

большеви́стская диктатура лишь сменится диктатурой нацистской. И при всей ненависти к сталинскому режиму он не воспринимал эту войну как столкновение двух тоталитарных сил, а относился к ней как к сражению за независимость России.

Русский патриотизм и долг врача привели доктора Дылёва в колониальную армию, куда за ним последовал его верный денщик Шабани. 54-летний доктор не подлежал мобилизации, но, стремясь внести свою лепту в борьбу за освобождение родины, он настоял на том, чтобы его приняли в экспедиционный конголезский корпус.

После разгрома фашизма многие эмигранты в эйфории победы возвращались на родину, веря, что война приведет к ослаблению сталинского режима. Не избежал подобных иллюзий и доктор Дылёв. Возобновившаяся переписка с родственниками в СССР всколыхнула прежние мысли о возвращении на родину. Верный социал-демократическим представлениям своей молодости, Дылёв признавал ценность коммунистической идеи, сумевшей одухотворить усилия нескольких поколений. Опыт России для человечества он находил перспективным, считал, что должен вернуться на родину и работать на благо ее процветания. Однако сведения о бывших эмигрантах в Советском Союзе, попадающих в «лагеря для перевоспитания», заставили его отказаться от идеи возвращения в Россию, пока там существует тоталитарный режим [5, т. 2, с. 189].

Африке он отдал душу. Называя себя «белым африканцем», Дылёв тем не менее оставался русским, о чем, в частности, свидетельствует постоянство его кулинарных пристрастий. Известно, что восприятие местной кухни является одним из показателей ассимиляционных процессов [3, с. 62]. Доктор так и не смог отвыкнуть от традиционной русской еды: выращивал капусту, морковь, картофель.

С октября 1948 г. П.К. Дылёв был назначен главным врачом компании. Теперь он разъезжал по всему округу Киву, совершая инспекционные поездки по отдаленным рудникам и лагерям для рабочих, куда его предшественник не заглядывал месяцами. Он мечтал построить собственный бесплатный диспансер для местного населения, для чего ему было необходимо собрать значительную сумму денег. При этом он продолжал оказывать помощь деньгами, продуктовыми посылками родным и друзьям-эмигрантам, просто знакомым и незнакомым людям в Болгарии, Франции, Бельгии, Дании, Советском Союзе, когда до него доходили сведения о нуждавшихся [5, т. 2, с. 250].

В 1952 г. 64-летний Петр Константинович женился на вдове своего покойного друга А.А. Бейера – Марии Александровне Бушуевой⁹, которой исполнилось уже 76 лет. Она жила в Аргентине, очень бедствовала, и старый врач предложил ей стать хозяйкой его просторного, но холостяцкого дома в Конго, главным богатством которого были книги. В случае его смерти она получила бы пенсию как вдова [5, т. 2, с. 337]. «Молодые» были счастливы, их связывали общие воспоминания о совместной работе в Шуменской гимназии; люди одной культуры, они понимали друг друга с полуслова.

Осенью 1955 г. достигнув предельного возраста для служащих компании (67 лет), Дылёв продолжал работать: заведовал маленьким диспансером для конголезцев на 20, потом на 40 коек, амбулаторией, консультацией для беременных женщин и родильным домом. Его пенсии им с женой хватало бы, но оставаться без дела он не мог. Работа приносила ему большое удовлетворение. В нее он вкладывал не только последние силы, но и личные средства, оплачивал покупку оборудования и медикаментов, обустроивал помещения, обучал весь средний медицинский персонал, состоявший из конголезцев.

В 1959 г. П.К. Дылёву удалось на десять дней совершить турпоездку в Москву и Ленинград, где он наконец встретился в родными. Однако мыслей вернуться в Советский Союз уже не было. Читая советскую литературу, доктор был в курсе всего происходящего на родине. Выбор литературы для чтения свидетельствовал о ностальгии. Книги, чаще всего советские, присылались из Франции, классика, советские газеты – от племянницы из Ленинграда [5, т. 2, с. 238].

Еще в 1938 г. началось увлечение доктора изготовлением чучел птиц и мелких животных. С его помощью удалось открыть неизвестного ранее «павлина конголезского». Сотрудничество с музеем Бельгийского Конго в Тервюрене продолжилось много лет. В общей сложности доктор направил туда до 8 тыс. чучел, внося таким образом заметный вклад в мировую орнитологию. В 1961 г. он сам отправил посылки с чучелами африканских птиц и млекопитающих в Зоологический институт в Ленинграде.

За годы, прожитые в Конго, многое изменилось: появился свой слой европейски образованных конголезцев, уменьшилась детская смертность, прекратились междоусобные войны, ушли в прошлое случаи людоедства. Старый земский врач-демократ приветствовал эти изменения. С началом конголезской революции европейцы покидали страну. Доктор же с женой решили остаться в Конго и разделить его судьбу после достижения независимости. Начались перебои с выплатой жалования, однако клиника, которой заведовал Дылёв, продолжала работать. Он оставался единственным правительствен-

9. Бушуева Мария Александровна (родилась в 1876 г. в Варшаве, скончалась в 1965 г. в Женеве, около Ватерлоо, Бельгия). В Конго с 1952 по 1961 г.

ным врачом в радиусе 250 км. К середине июня 1961 г. медикаментов осталось на один месяц. С просьбой прислать медикаменты Дылёв обращался даже в администрацию президента Кеннеди. Ситуация ухудшалась, вскоре не на что стало жить – все сбережения доктора пропали в конголезском банке. С мечтой провести остаток жизни в Конго пришлось расстаться. На присланные друзьями деньги престарелая чета в сентябре 1961 г. покинула Конго. Свой дом они подарили католической миссии. Доживали свой век в Бельгии в доме престарелых ветеранов колоний, но верный своему принципу – просящему дай – доктор и здесь умудрялся посылать своей больнице в Конго медикаменты, кому-то из конголезцев – деньги, другим – необходимые инструменты. 35 лет он лечил конголезских аборигенов. Дожил русский Швейцер до 90 лет, умер в 1978 г. Проводить его в последний путь приехал конголезец, ставший дипломированным врачом, которого когда-то доктор Дылёв обучал азам врачевания. На похоронах своего учителя чернокожий врач сказал: «Как он нас любил! Он делил с нами свой суп и свой хлеб!» [5, т. 2, с. 381].

Жизнь П.К. Дылёва, рядового эмигранта, ставшего героем своего времени, должна оставаться в памяти потомков как пример бескорыстного служения людям.

Литература

1. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. – М., 1969. – 374 с.
2. Долгоруков П.Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – № 1. – С. 63–82.
3. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М., 1999. – 224 с.
4. Ронин В.К. Колониальные мемуары, дневники и письма русских эмигрантов (20–30-е годы XX в.) // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000. – С. 223–256.
5. Ронин В.К. Русское Конго. 1870–1970. В 2 т. – М., 2009. – Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 640 с.
6. ГАРФ. Ф. 6089. (Бейер А.А.). Оп. 1. Д. 16.